

степени западного романского периода искусства, но и по многим другим причинам. Книга может быть рассмотрена как образец тонкого искусствоведческого анализа, бережного отношения к памятникам средневековья, умения найти для них те слова и те определения, которые с особой точностью выражают их внутреннюю сущность и не могут быть применены к произведениям искусства нового времени.

В. Д. Лихачев

О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975.

Монография О. В. Творогова посвящена исследованию хронографов — широко распространенных и весьма сложных произведений древней русской историографии, игравших важную роль в истории культуры древней Руси с момента их появления в XI в. и до конца XVI в. Будучи «поистине энциклопедическими памятниками» (с. 4), хронографы содействовали расширению литературного и культурного кругозора древнерусских книжников. В архивах и библиотеках нашей страны хранится множество их списков. Их изучение способствует лучшему пониманию древнерусской культуры и литературы, помогает выявить изменения культурно-исторических интересов, воззрений, литературных вкусов общества древней Руси.

Рецензируемая книга является итогом многолетнего изучения автором древнерусских хронографов. На протяжении последних лет на страницах периодических сборников и изданий источников О. В. Твороговым были опубликованы статьи, в которых анализировались отдельные хронографические памятники. В этих работах была дана их развернутая характеристика, выяснены состав и источники, определены редакции каждого хронографа (Хронографа по великому изложению, Еллинского летописца, Русского хронографа, Хронографа Западнорусской редакции, Хронографа редакции 1617 г.) и выработана методика их исследования¹. Выводы этого скрупулезного изучения были суммированы, развернуты и углублены О. В. Твороговым в обобщающем труде, в котором, наряду с выявлением характерных особенностей, присущих отдельным хронографическим компиляциям, прослеживаются общие черты их эволюции. В своих исследованиях автор опирался на фундаментальную базу, созданную трудами таких выдающихся историков, филологов и археологов, как А. Н. Попов, В. М. Истрин, А. А. Шахматов, С. П. Розанов, А. Д. Седельников, Д. С. Лихачев, Н. А. Мещерский, в работах которых были подвергнуты углубленному анализу хронографические произведения XI—XVII вв. Учены О. В. Твороговым и все новейшие точки зрения. Он критически оценил достижения своих предшественников и пересмотрел многие традиционные представления об истории отдельных хронографов.

Для написания монографии О. В. Творогов привлек новые материалы: были выявлены и обследованы многие новые, ранее не известные списки Хроники Амарты, обеих редакций Еллинского летописца, Троицкого хронографа, всех редакций Русского хронографа.

Проанализировав все существовавшие одновременно хронографические своды и тщательно изучив их рукописную традицию, автор установил их взаимоотношения, уточнил источники, положенные в их основу, определил время появления отдельных хронографических сочинений. Ему удалось проследить историю хронографического жанра во всей совокупности представляющих его памятников. По существу в книге дана общая картина развития древнерусской хронографии XI—XVI вв.

Монография О. В. Творогова написана живо, интересно, образно, превосходным языком. Использованы некоторые художественные приемы, с помощью которых автор разъясняет или иллюстрирует отдельные положения своего труда, как, например, рассуждение о «трех этажах», составляющих книгу (с. 6—7), или уподобление со-

¹ См.: Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. Издание подготовили М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М.—Л., 1965; Троянские сказания. Подготовка текста и статьи О. В. Творогова. Комментарии М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972; *Творогов О. В.* Русский хронограф и задачи его изучения. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, с. 50—52; *он же.* О хронографе редакции 1617 г. — ТОДРЛ, т. XXV, 1970, с. 162—177; *он же.* К истории жанра хронографа. — ТОДРЛ, т. XXVII, 1972, с. 203—226; *он же.* К изучению древнерусских хронографических сводов (I. Редакции Еллинского летописца. II. О происхождении Хронографа западнорусской редакции). — Там же, с. 380—404; *он же.* Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению. — ТОДРЛ, т. XXVIII, 1974, с. 99—113; *он же.* О составе и источниках хронографических статей Лицевого свода. — Там же, с. 353—364; *он же.* Текстология и лексикография. — В кн.: Текстология славянских литератур. Л., 1973, с. 175—183; *он же.* Описание хроник, хронографов и хронографических компиляций. — В кн.: Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 1. М., 1973, с. 224—260; *Рыбин В. А. и Творогов О. В.* Материалы к классификации списков Русского хронографа. — Там же, вып. 2. М., 1976, с. 140—156.

ставителя Хронографа 1512 г. некоему искусному фортификатору (с. 39—40). Следует отметить и четкость изложения, характерную для всей работы в целом.

Очень удачна композиция книги, последовательность и взаимосвязь глав. Книга состоит из предисловия, восьми глав и заключения.

В предисловии, первой главе и заключениях изложены общие вопросы исследования хронографов. В предисловии автор разъясняет причины своеобразной структуры монографии, причины, заставившие отделить обобщающую часть от текстологической характеристики каждого из исследуемых памятников и подробного описания состава пяти хронографических компиляций (Полной и Краткой хронографических палей, Троицкого хронографа и обеих редакций Еллинского летописца), которое дано в приложении к основным главам работы.

В первой главе освещены историография древнерусских хронографов и современное состояние изучения проблемы, изложена история хронографических сводов XI—XVI вв., рассмотрены основные этапы эволюции хронографического жанра и его место в истории древнерусской литературы и культуры.

Во второй—восьмой главах исследуются отдельные хронографические сочинения: Хронограф по великому изложению (глава II), Троицкий хронограф (глава III), Хроника Георгия Амартола и русские хронографические своды (глава IV), Летописец Еллинский и Римский (глава V), Русский хронограф, Хронограф редакции 1512 г. (глава VI), Хронограф Западнорусской редакции (глава VII), Хронограф Пространной редакции (глава VIII). В этих главах содержится характеристика и «основная текстологическая аргументация» каждого из названных памятников. О. В. Творогов описывает их состав, кратко излагает их содержание, сообщает сведения о рукописной традиции, указывает издания, ставит и — насколько возможно — разрешает проблему авторства и датировки, выясняет их источники. В центре внимания автора находятся вопросы общего развития древнерусской историографии, создания хронографического жанра и совершенствования методов и навыков работы составителей хронографических компиляций. О. В. Творогов показывает, как с течением времени изменяются приемы древнерусских книжников по обработке материала и вырабатывается новый стиль повествования, который нашел свое наиболее яркое выражение в Хронографе редакции 1512 г. и других разновидностях Русского хронографа. Выводы О. В. Творогова представляются убедительными и открывают новые возможности для дальнейшего исследования нерешенных проблем древнерусской хронографии.

Автор справедливо отмечает ту существенную роль, которую сыграл в развитии раннего летописания и хронографии XI—XV вв. составленный в XI в. по Хроникам Георгия Амартола и Иоанна Малалы Хронограф по великому изложению, положенный, по его мнению, в основу повествования Начального свода и являвшийся главной составной частью историко-хронографических сборников. Он выявил три вида Хронографа. По наблюдениям ученого, второй вид был использован при составлении Троицкого хронографа, а третий — при написании Полной и Краткой хронографических палей и второй редакции Еллинского летописца.

Впервые автор всесторонне обследовал Троицкий хронограф и установил, что этот памятник наряду с Иудейским хронографом и Архетипной редакцией Еллинского летописца представляет собой ранний этап развития древнерусской хронографии; его изучение позволяет более точно осветить историю Хронографа по великому изложению, Хронографической Александрии и других произведений из текстологического «конвоя» Хронографа по великому изложению.

Анализ текста Хроники Амартола привел О. В. Творогова к аргументированному выводу о существовании особой «хронографической» редакции Хроники. Он выявил ее отличие от редакции, представленной отдельными списками данной Хроники, и доказал, что она непосредственно восходит к архетипу списков славянского перевода. В работе существенным образом пересмотрена традиционная история текста Хроники Амартола.

Много нового внесено автором в разработку истории Еллинского летописца. Исследователь считает, что обе редакции Еллинского летописца не зависят друг от друга и базируются на не дошедшей до нас редакции памятника, которую он назвал Архетипной. В центре внимания О. В. Творогова находится изучение второй редакции Еллинского летописца, которая, как он полагает, была составлена в первой половине XV в., в эпоху, являющуюся одним из важнейших этапов в развитии общественной мысли и культуры древней Руси.

Изучив списки Русского хронографа, автор присоединился к мнению Б. М. Клосса, доказавшего, что одним из источников Русского хронографа был Сокращенный свод конца XV в. Это позволило О. В. Творогову более точно определить время его появления: Русский хронограф возник на рубеже XV—XVI вв. Редакцию 1512 г. он считает древнейшей из известных ныне редакций памятника. Рассмотрение Хронографа Западнорусской редакции и редакций 1599 и 1601 гг. дало возможность установить зависимость их от Хронографа редакции 1512 г. В монографии коренным образом пересмотрена традиционная схема взаимоотношений Русского хронографа.

В заключение, наряду с подведением итогов работы, О. В. Творогов указывает очередные задачи, которые стоят перед исследователями хронографов: следует продолжить работу по выяснению источников отдельных хронографов, определению вза-

имоотношений хронографов разных редакций и летоисей и начать изучение русской хронографии XVII в.

Труд О. В. Творогова имеет большое значение как для специалистов по древнерусской хронографии, так и для исследователей средневековой греческой историографии и литературы. Древнерусская хронография была неразрывно связана с хронографией византийского и поствизантийского времени, оказавшей огромное влияние на ее становление и развитие. Однако судьбы византийской и поствизантийской литературы, различные аспекты ее соотношения с письменностью других народов византийско-славянского круга изучены недостаточно. Тем важнее работа О. В. Творогова, в которой разработаны методика исследования сочинений этого жанра и кардинальные вопросы развития хронографии. Автор справедливо отмечает, что хронографы следует рассматривать не только как памятники историографии, но и как первоклассные литературные произведения (с. 42—43). Для исследователей византийской хронографии чрезвычайно важно наблюдение О. В. Творогова о постепенном проникновении отдельных статей текстологического «конвоя», сопровождающего хронографы, в основной текст их.

Анализ византийских и древнерусских историко-хронографических сборников, в которые включены всемирные хроники, обнаруживает много общего в их составе. В тех и в других, наряду с обширными хронографическими произведениями, помещены небольшие заметки, уточняющие и дополняющие их содержание. Изучение византийских историко-хронографических кодексов показывает, что состав их текстов с течением времени изменялся: в рукописях XI—XII вв., в которых приведены произведения византийских хронистов Иоанна Малалы, Георгия Синкелла, Георгия Амартола и др., текстологический «конвой» отсутствует; в сборниках XIII—XV вв. встречаются и хронографические сочинения, и дополнительные статьи справочного характера; в кодексах XV—XVI вв. объем справочного материала сведен до минимума, чаще всего в них помещены только обширные хроники.

В настоящее время вскрыть причины изменения состава историко-хронографических сборников из-за недостаточной разработанности данного вопроса в византиноведческой литературе невозможно. Быть может, отсутствие справочного материала в кодексах XI—XII вв. следует объяснить наличием необходимых сведений в помещенных в них сочинениях хронистов. Составители сборников, экономя писчий материал, не хотели, по-видимому, повторять сведений, уже имеющих в хрониках. Отсутствие текстологического «конвоя» в сборниках XV—XVI вв., по всей вероятности, вызвано тем, что создатели поздневизантийских хронографических произведений, так же как и древнерусские авторы, включали в свои труды известия из дополнительных статей, входивших раньше в состав историко-хронографических кодексов. Однако все это требует дальнейшего изучения византийской хронистики. Монография О. В. Творогова указывает путь, по которому следует идти, чтобы лучше изучить развитие византийской хронографии.

Большой интерес представляет вывод О. В. Творогова об энциклопедическом характере древнерусских хронографов. Он отмечает богатство и разнообразие их содержания, указывает, что в них помещены сведения по географии, естествознанию, космографии, мифологии, литературе, богословию, истории церкви и культуры. Эти же данные содержатся и в византийских всемирных хрониках, которые также знакомили своих читателей с широким кругом знаний современной им науки. Следует сказать, что по составу и содержанию византийские всемирные хроники аналогичны не только переводным древнерусским хронографам, но и оригинальным хронографическим сводам, возникавшим на Руси. Сходство произведений, появившихся и бытовавших в соседних странах, можно, конечно, объяснить влиянием литературы одного народа на литературу другого. Безусловно, византийская хронистика оказала огромное воздействие на древнерусскую хронографию, однако нельзя ограничиться только этим объяснением. Следует обратить внимание и на другие факторы, прежде всего, на общность исторических судеб народов-соседей и общность задач, которые стояли перед составителями хронографов. Кроме того, необходимо учитывать и функции, которые они выполняли в византийском и древнерусском обществе. На основе текстологического анализа хронографов, проделанного О. В. Твороговым, появилась возможность определить их назначение. Очевидно, они были предназначены не только для занимательного чтения, но и играли определенную роль в образовании. В византийском обществе, в кругу образованных греков изучение античной и византийской истории было неразрывно связано с филологией, хотя самого такого понятия не существовало. Все это дает основание предполагать, что возникновение и широкое распространение всемирных хронографических сочинений в Византии и на Руси было вызвано использованием их в образовательных целях. Однако, как у греков, так и на Руси, четкого разделения литературных, историографических и учебных текстов не было, да и не могло быть.

Значение монографии О. В. Творогова трудно переоценить. Прекрасный знаток древнерусской хронографии, он собрал и обработал колоссальный материал. Это позволило ему дать всестороннюю характеристику изучаемых им сочинений, осветить сложный процесс становления и развития древнерусской историографии. Многие его наблюдения ценны не только для исследования хронографии древней Руси, но и для изучения историографии соседних стран.

Однако с некоторыми положениями О. В. Творогова трудно согласиться. Вряд ли можно расценивать включение в русские хронографы античных мифов, взятых из Хроники Иоанна Малалы, как свидетельство интереса к античным сюжетам на Руси. Это скорее результат механического заимствования сообщений из источника. Кроме того, данный материал считался обязательным в системе обучения в Византии и его должен был знать каждый образованный человек. Ведь и «Речь философа» в составе «Повести временных лет» напоминает некоторые историографические памятники Византии.

Вызывает возражение и утверждение О. В. Творогова о якобы малой распространности Хроники Иоанна Малалы в средневековой письменности. Со всей определенностью можно сказать, что это произведение было широко распространено и оказало значительное воздействие на хронографию сопредельных с империей народов. По словам К. Крумбаха, его влияние было неизмеримо. Известны древние переводы на грузинский, латинский, эфиопский языки, текст Иоанна Малалы использовали как греческие, так и иноязычные авторы².

Е. Э. Гранстрем, Э. Г. Самодурова

The Correspondence of Athanasius I, Patriarch of Constantinople. Letters to the Emperor Andronicus II, Members of the Imperial Family, and Officials. An edition, translation and commentary by A.-M. M. Talbot. Washington, 1975, LII+467 p.

Переписка константинопольского патриарха Афанасия I (1289—1293, 1303—1309) была до недавнего времени известна только в небольших отрывках. Несколько лет тому назад ныне уже покойный В. Лоран включил обзор писем Афанасия в IV том патриарших регест¹; теперь американская исследовательница Алиса-Мария Мэффри Толбот подготовила издание 115 посланий патриарха, снабженное английским переводом и подробным комментарием. Объемистый том принесит читателю известное разочарование: несмотря на то, что Афанасий стоял у кормила церковной власти в напряженный период поздневизантийской истории, реальная информация, содержащаяся в его переписке, невелика и буквально утопает в море риторических, деконкретизованных стереотипов; к тому же письма Афанасия не принадлежат к числу первостепенных памятников византийской прозы. И тем не менее исследователь не в праве пренебречь этим материалом, проливающим дополнительный свет на политическую, социальную и культурную жизнь империи на рубеже XIII и XIV вв.

Письма Афанасия рисуют напряженную внешнеполитическую обстановку в стране, турецкую угрозу, каталанскую опасность. Они говорят об угрозе голода и тщетных усилиях правительства снабдить хлебом голодающее население Константинополя². В письмах содержится ряд любопытных деталей, характеризующих хозяйственную жизнь и быт Византии: Афанасий упоминает ветряную мельницу (№ 11.13), сообщает о привозе оливкового масла с Фасоса, Афона и из восточных (малоазиатских) областей (№ 46.64—65), упоминает старух, торгующих рыбой на морском берегу (№ 43.40). По свидетельству Афанасия, митрополиту Сард принадлежали в районе Константинополя виноградник и поле (ζευγηλατειον), сад и эргастии (№ 25.15—16)³, епископ Вичины сдавал в аренду имущество своей церкви за 800 (перперов) ежегодно (№ 25.14). Афанасий указывает, что по сельскому обычаю, или праву (κατα χρισιν γεωργικην), имеющие избыток (περισσειαν) (земли?) должны платить мотру (διδουαι μотρην), те же, кто был лишен (земли), не облагаются мотрой (№ 27.6—8).

Один из существенных институтов поздневизантийского общества, прония, тоже упомянут в переписке: Афанасий возмущается тем, что первый попавшийся архиерей, бежавший из своего города, получал в Константинополе пронию и обиталище (εις κληρον προνοιας προσυνεμηθησθαι και κατοικιας) (№ 62.30—31). Из этих слов следует, что во всяком случае на рубеже XIII и XIV вв. получателями пронии были не только воины, но и духовные лица. Менее определено другое свидетельство: Афанасий ходатайствует за деспота (по Толбот, речь идет об Иоанне Палеологе, сыне Андроника II) и спрашивает, почему он не удостоен соответствующей его расходом и званию экономией — пронией (εξ οικονομιας τινοδ προσοειται) (№ 86.12—13). Издательница усматривает упоминание пронии также в послании № 83, где патриарх выступает против

² Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 328; Moravcsik Gy. Byzantinoturcica, Bd. I. Berlin, 1958, S. 329—334.

¹ Laurent V. Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople, fasc. IV. Paris, 1971. Помимо переписки, относящейся к первому и второму патриаршеству Афанасия (р. 337—347, 371—559), Лоран поместил (в приложении) 12 писем, которые он датирует промежуток между двумя патриарствами и временем после второго низложения Афанасия (р. 565—580).

² См. об этом специально Laiou A. The Provisioning of Constantinople during the Winter of 1306—1307. — Byz., 37, 1967, p. 91—113.

³ Толбот понимает ζευγηλατειον как «упряжка волов» (a yoke of oxen) — но см. Каждан А. П. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, с. 150. Термин εργαστηριον может означать не только мастерскую (workshop), как понимает его издательница, но и мельницу, что в данном контексте было бы более естественным.